

Юрий Серов «Ветки метро»

Эдик Петров видел мир по-другому.

Эдик имел простую фамилию и незапоминающуюся внешность, с таким столкнешься в общественном транспорте лоб в лоб, а спустя секунду не припомнишь, как он выглядел, ни малейшей черточки: горбинки на носу, родинки на правой щеке, необычного разреза глаз или шрама над верхней губой – ничего, хоть душу вытряси! Напрягаешь извилины, петляешь в закоулках памяти, но баста.

Петрова слепили из подобного теста, разве что ассоциации с пельменем уместны. Одевался он в дешевых сетевых магазинах, как и большинство россиян (только не кичился и не отрезал этикетки, стыдясь изображенного логотипа), за модой не следил, предпочитая красоте уют и полезность вещи. Стандартный тип со стандартным лицом, коих миллионы в серой массе.

Я познакомился с ним ненамеренно. Бывают в жизни ситуации, которым спустя несколько лет удивляешься, осознавая, насколько перевернулось твоё мировоззрение благодаря случившемуся, и задумываешься, что было, окажись на месте Петрова другой индивид женского или мужского пола. Оставил бы мозг полученную картинку или выкинул за ненадобностью, как тысячи увиденных фрагментов, людей, фактов, очистив историю браузера. Это останется неизвестным. За серостью Эдика скрывался огромный дар, данный ему неизвестно кем и неизвестно когда.

Мы стояли на остановке: с-десяток людей, замерших гипсовыми статуями, и ожидали приезда маршрутки. Морозило, я кутался в капюшон, пряча нос в искусственный рыжий мех, растирал щеки варежкой, но зима, суровая и беспощадная злая ведьма, не щадила.

Приехала маршрутка. Ежедневно курсируют разногабаритные «Газели» и «Богданы» - событие рядовое, никто не обратит ни малейшего внимания. Не придал значения и я. Пока желтый «Богдан» с номером «13» на лобовом стекле совершал торможение, а я присматривал сквозь окно, оклеенное рекламой, свободное место в салоне, и прикидывал, успею ли опередить двух лиц в болоньевых куртках, мне перегородил дорогу парень. Я сделал рывок вправо, но он снова возник передо мной. Что за наглец, подумал я, обходя с левой стороны, и наткнулся на знакомую спину.

- Да стойте вы на месте!- не сдержался я.- Зачем туда-сюда юлите?

- Вам нельзя на автобус,- сказал он, обернувшись.

- Кто так захотел?

- Судьба,- ответили мне.- Не стоит рисковать сегодняшним днем.

Я опешил и возмутился. Какой-то незнакомец решает за меня, что делать, а что нет, будто я не имею права голоса.

- Будьте любезны, отойдите в сторону,- предупредил я.- Не стоит играть с огнем.

- Никто не играет,- сказал парень.- Я на полном серьезе. Маршрутка разобьется на ближайшем перекрестке. Вы единственный, кто не выживет в аварии.

- А вы Нострадамус или Ванга? Делаете предсказания? Подите прочь! Толпа перемещалась в салон, лица в болоньевых куртках заняли места у поручня, однако оставалось свободное кресло позади льготных пассажиров. Поток людей закончился, и водитель нажал на клаксон, как бы задавая вопрос, едем мы или нет. Предсказатель расставил руки в стороны. Пропускать в салон выбранную жертву он не собирался. Я ринулся в атаку, рассчитывая прорвать оборону не крупного мужского экземпляра. Сиденье мелькнуло перед глазами, близкое и недостижимое одновременно. В следующий миг оно исчезло, меня зажали в тиски. Парень, несмотря на скромные габариты, обладал недюжинной силой: плечо, пойманное пальцами чудака, вросло, словно в бетон, я не выудил его из ловушки. Осознавая поражение, сдался. Водитель нажал кнопку, дверь закрылась, и «Богдан», окутав ароматом выхлопных газов, тронулся. Предсказатель не отпускал, пока автобус не скрылся за светофором.

Раздался жуткий хлопок (ломаемый пластик и мнущееся железо), я зажмурился (не от страха, а скорее от неожиданности) и почувствовал, что плечо освободилось и ноет от причиненной боли. Я видел покореженный «Богдан», разбитую иномарку, протаранившую бок автобуса, и хлопал глазами – глупо, как попугай, любующийся в зеркало. Сейчас я соответствовал определению «проглотил язык»: рот онемел и не издавал членораздельных звуков, не слушался хозяина.

- Меня зовут Эдуард,- сказал Нострадамус, глядя на автобус, из которого выбирались испуганные пассажиры.- Можно просто Эдик. Можно на «ты».

- Спасибо, Эдик,- сказал я.- Ты спас мне жизнь.

Так состоялось знакомство.

Мы поспешили к пострадавшим, помогли врачам погрузить пожилую пару льготников-пенсионеров на каталку, и скорая помощь с включенной сиреной повезла их в ближайшую больницу. Эдик улыбался, провожая экипаж медиков.

Я позабыл о том, что торопился на встречу. Представил себя в мешке, лежащим без движения на асфальте, и вздрогнул. По телу пробежали гуси, оставляя мурашиные следы. Не осознавая случившееся, я дотронулся до Петрова. Прикоснулся пальцем, чтобы понять, что он не ангел, спустившийся с небес, а человек, рискнувший сообщить о трагедии, и не побоявшийся сойти за глупца. Эдик был мягким на ощупь. Стальная хватка, сдавившая мое плечо, явилась чудом из мира фантастики. Как и все произошедшее.

- Откуда ты узнал об аварии?- спросил я, когда мы возвращались на остановку.

- Ты не поверишь,- ответил он.- Зачем загружать тебя лишней информацией. Узнал и узнал, как – не важно.

- И все-таки интересно.- Я пнул камешек носком ботинка.- Меня, знаешь, ежедневно от смерти спасают. Любуюсь чудесами семь раз в неделю.

- Кажется чудом. Для меня это обыденность. Я знаю, что случится с каждым сегодня, завтра и через пятьдесят лет по нитям судьбы, которыми живут люди. Попробую объяснить.- Он хмыкнул, размышляя, не слишком ли разоткровенничался, затем поднял взгляд, оценивая, не болтун я или умею хранить секреты.- Встречал схему метрополитена? Цветные линии, разбросанные в разные стороны, станции, пересадки. Так вот, человек для меня – это карта метро, его судьба – линии, а события – станции. Если бы ты сел в автобус, то прибыл на конечную остановку по этой ветке. Но я предопределил твою судьбу и пересадил на другую ветку. Ты проживешь долго. До глубоких-глубоких седин.

- А что еще ты видишь?

- Мы станем друзьями,- сказал он.

Никто никогда не говорил мне, что я буду чьим-то другом. Дружба завязывалась постепенно, издалека. В ребячестве – с игр во дворе, когда с пацанвой гоняли в клек, в футбол, в пятнашки, прятались и бежали к ближайшему дереву с криком «Чур меня»; в школьные времена с приятелем по парте – с поиска общих тем; в студенческие годы – с творческих посиделок и игр КВН, где пиво лилось рекой, а девушки и парни познавали взрослый мир – злой, скупой и несправедливый. Когда возраст перевалил за тридцать, понятие «друг» размылось, как берег при приливе, остался костяк из двух-трех близких товарищей. Мы иногда собирались в бане, парились, обсуждали, что произошло за неделю-другую, и расходились. Поэтому фраза Петрова выбила из привычной колеи, в которой я существовал с момента рождения, и изменила действительность.

Ехать на автобусе расхотелось. Я предложил перейти станцию и пройти пешком.

Мы минули душный коридор – длинный и безобразный, словно прокисшая макаронина. На станции привычно ютились личности разнополярного масштаба, от бомжей неопределенного возраста, выцветших и древних, как двадцатикилограммовый сом, до бизнесменов, одетых с иголки и спешащих на поезда повышенной комфортности – спутники. Мы продирались сквозь хаос и гвалт, попадая изредка в пробку из опаздывающих, вдыхали многогранные ароматы снеди, витающие в воздухе – острые, будто в них добавили химии, и мечтали добраться до конца, где ожидал бонус в виде глотка свежего воздуха.

Воздух был сладок, как наступление весны.

- Сравнение с метро удачное,- сказал я.- Наглядно представляется.

- На самом деле все сложнее,- ответил Эдик.- Просто так сразу понимают.

- А ты всем подряд рассказываешь?

- Стараюсь молчать. Припугнешь человека, скажешь, например, что лифт обрушится, тот сразу круглые глаза делает. В редких случаях включаю наглость, но я – скромняга, не люблю грубую силу и наезды.

Я вспомнил невероятную энергетику, исходящую от Петрова – обжигающую и завораживающую, лишаящую движения, словно по телу пустили слабую волну тока и заморозку. Представил на секунду лица тех, кого перебрасывали с ветки на ветку: получилась большая вереница...

Мы подружились. Эдик не держал от меня тайн, я ничего не скрывал. Что утаишь от всевидящего ока? Достаточно было взгляда, и Петров знал, что вчера я ночевал у девушки Ирины, а утром мы поругались и разбежались, но через несколько лет волна событий снова затащит нас в поток страстей. Я оказывался перед другом будто в общественной бане: ничем не прикрытый и беззащитный. Поначалу это тревожило, но я верил, что Эдик не разбазарит талант и не навредит единственному товарищу (других близких уникам не имел). Петров поводов для беспокойства не давал. Болтал о футболе, играл на тотализаторе, зарабатывая деньги на ставках, изредка заводил девушек, но они не выносили нордический характер парня и сбегали, не оставляя записок и следов присутствия. Эдик о них забывал и жил как ни в чем не бывало. Я заглядывал на огонек в холостяцкую обитель Петрова, прихватив бутылку вина и российского сыра, и мы вели на кухне мужские разговоры, попивая некрепкий алкоголь или кофе, который Эдик варил в обожженной турке, исполняя в шутку колдовские жесты. Когда напитки скрывались в желудках, мы перебирались в зал – единственную жилую комнату, рассаживались и включали приставку, отдыхая в параллельной реальности, где не надо спасать незнакомцев и отыскивать в лабиринте судеб верную дорогу.

К теме необычного дара мы не обращались. В случае необходимости друг рассказывал сам, но такие моменты возникали редко. Он не любил общаться на эту тему, а я не портил отношения, делая вид, что не интересуюсь. На самом деле интерес никуда не пропал, оставались загадками многие вещи, однако дружба крепла, и я боялся разрушить ее глупостями. Я ценил Эдика не за способности. Он был товарищем, как многие до него, но в нем скрывались мудрость, знания и иная сущность.

Эдику не нравилось покидать жилище. На улице ожидали тысячи судеб, и большую часть он был не в силах изменить. Петров ассоциировал их с кольцевой линией, где последняя станция завершала жизненный цикл, поэтому предпочитал четыре стены. В деньгах парень не нуждался. Ежемесячно он получал дивиденды за ставки, тратил мало (в основном на компьютеры и игры), питался по-спартански, хотя мог позволить ежевечерние трапезы в ресторанах, куда заходит богема.

Но однажды уклад Эдика изменился.

Я смотрел футбол дома, ел вкусняшки (мороженое, чипсы, семечки) и болел за «наших» в Лиге Чемпионов. «Нашими» Эдик нарек английский «Лестер Сити», сенсационно выигравший местную Премьер-лигу и

озолотивший Петрова на приличную сумму. Название привязалось, и британцев по-другому мы не именовали.

Я боролся со сном под редкие атаки «Лестера» и «Порту». После 25 минуты, когда «наши» забили гол в ворота португальцев, на поле воцарилось умиротворение, и обе стороны катали мяч по центральной половине. Дремота пересиливала, и я балансировал между реальностью и царством Морфея.

По квартире беспардонной трелью прозвучал дверной звонок. Я взглянул на часы, стрелки показывали время, не подходящее для гостевых визитов. Гадая, кого черт принес на ночь глядя, я удивился, обнаружив на лестничной площадке взволнованного Эдика, чье лицо отливало красными пятнами на щеках.

Друг влетел ко мне сентябрьским ветром – холодным и неприятным.

- Ты не поверишь!- закричал он, сбрасывая ботинки.- Это чудо! Невероятно!

- Что случилось?- спросил я.- Ты весь как на иголках. Будто литр самогонки выпил.

- К черту самогонку!- отмахнулся Петров.- Все гораздо интереснее.

Эдик плюхнулся в кресло, где я лицезрел англо-португальский матч, подтянул ноги, усевшись по-турецки, и заметил футболистов.

- «Порту» проиграет 0:1,- сказал он.- Можешь дальше не смотреть.

Я предложил чай или кофе. Петров поводит губами в стороны, размышляя, согласился на растворимый «Нескафе» и поведал о случившемся.

Проснувшись, он отправился в букмекерскую контору поставить на ничью мадридского «Реала» и победы двух английских команд. От дома на Радужной улице до конторы на Изумрудной пешим ходом десять-пятнадцать минут – отличная прогулка после завтрака и маршрут, проштудированный до миллиметра. Петров жил в Бабушкинском районе с детских времен и легко ориентировался, припоминая дерево, заборчик или другую незначительную деталь. Тихая Радужная улица, поворот на Летчика Бабушкина, где много машин и пешеходов, пройти по ней, еще поворот, и вот магазин «Седьмой континент», рядом с которым здание «Лиги ставок».

Люди двигались бледным потоком, стекались в канализацию метро и подземные переходы. Эдик по возможности прятался от них на узких дорожках или ожидал, пока толпа иссякнет и превратится в ручеек. Чужие судьбы врывались в мозг волнами и оставляли глубокие борозды, сравнимые с плугом, вгрызающимся в землю. На переходе Петров узрел бабушку и разглядел ее близкий конец: старушке нельзя было переходить дорогу. Все пронеслось за долю секунды. В следующий миг он схватился за сердце и сыграл роль больного. Бабушка запричитала и проводила Эдика до супермаркета, а сама расстроилась и выбрала другой путь.

- Любопытно,- сказал я.- Ты гнал на полную, чтобы рассказать о старушке?

- Не беги вперед паровоза,- ответил друг.

Расставшись с бабушкой и сославшись на защемление нерва, Петров направился далее.

У дома №6, пятиэтажки из оранжевого потертого кирпича, Эдик натолкнулся на необычную девушку.

- Брюнетка, зеленые глаза, волосы собраны в конский хвост, бежевое пальто,- описал ее Петров.- Красива, как восход на берегу Персидского залива.

- Все ясно,- сказал я.- Влюбился.

- Нет... Не знаю... Дело не в этом. Понимаешь, я не изведал ее судьбы.

Столкнувшись с необычным явлением, парень пошел следом. Все, кто попадался навстречу, открывались ему, словно консервные банки перочинным ножом – щелк, и сущность наружу: переплетения нитей, как на ладони – живые, шевелящиеся змеи, беспощадные шипящие гадюки. У брюнетки не было ничего. Петров впервые наткнулся на закрытую дверь и не нашел ключа.

- Меня это насторожило.- Он отхлебнул кофе.- М-м-м, не остыл... Все случилось неспроста. Может, она послана свыше?- задумался он.- Второй человек, чья карма – темное пятно.

- А кто первый?

- Первый? Первый – я. Я не знаю, что произойдет со мной.

Заинтригованный Эдик проводил незнакомку до остановки у метро, где она забралась в маршрутку №605. Петров рвал волосы от злости. В метро он мог продолжить бы преследование незамеченным (хотя и с опасными последствиями для восприятия), в маршрутке же появляться не рискнул.

- И ты ее упустил?- Я не терял надежды на счастливый финал.

- Упустил.- Друг скорчил гримасу в духе Джима Керри.- Но спустя минуту ум подкинул идею: погуглить маршрут №605. Автобус ехал в район Отрадное, так что девушка работает там, а живет неподалеку.

- Ты уверен?

- На сто процентов. Потому что поехал за ней!- Эдик не удержался и заходил по комнате, натываясь на предметы мебели.- Я побежал на стоянку такси, договорился с водителем, и мы нагнали маршрутку через пару перекрестков. Девушка вышла на улице Декабристов, там рядом ювелирная компания.

- Наверное, сложно быть обычным?- пошутил я.- Не сканировать всех подряд, а собирать по крупицам информацию, играть в сыщика и устраивать слежку в спальных районах Москвы. А?

- Думаешь, я хожу и мечтаю, кого бы спасти. Мне на фиг не нужен дар! Хочешь, забирай себе? Отдам бесплатно и в придачу коврижек напеку.- Он засмеялся, но смех получился язвительным.- Если честно, бро, я схватил счастье за пушистый хвост. Как ребенок, получивший в подарок приставку или щенка, о котором мечтал ночами напролет. Я уловил надежду, что моя жизнь сводится не к банальному изменению чужого рока, а имеет радужные оттенки. Я устал от градаций серого.

Петров доехал до дома на такси и попросил подать машину к пяти вечера. В назначенное время таксист отвез странного пассажира на улицу Декабристов, проторчал там битый час и покати́л обратно, придерживаясь скорости едущего впереди автобуса. У метро «Бабушкинская» Эдик рассчитался, осчастливив бомбилу купюрами с Ярославлем и, держась неподалеку, пошел за брюнеткой. Он сравнивал эти мгновения с детством, когда дар не имел острого давления и проявлялся изредка, и маленький Эдуард не испытывал ответственности за других, а просто жил, гоня мяч на футбольной коробке, и наслаждался беготней и безудержным хохотом.

Зеленоглазая красавица не замечала преследования и отстукивала каблучками незамысловатый ритм, приятное уху «щелк-щелк-щелк» разносилось эхом по Менжинке, впадающей в вечернюю меланхолию. На Изумрудной улице девушка скрылась в подъезде панельной пятиэтажки. Эдик стоял, смотря на угол дома, где секунду назад двигалась фигурка в пальто, затем сел на лавочку и замечтался. Представил окно, принадлежащее брюнетке, в нем уютную кухню с занавесками, – где девушка, придевшись в фартук, готовит ужин у плиты, мурлычет попсовую песенку, подпевая радио; в руке лопаточка для жарки, на сковородке скворчат котлетки, на столе нарезка из огурцов и помидоров. По комнате витают ароматы – не холостяцкие, где нет порядка, утонченности и кулинарных шедевров, а семейные. В коридоре базарной торговкой верещит звонок. Брюнетка проверяет котлеты – нет, не пригорели, – вытирает руки полотенцем и спешит к входной двери: розовые пятючки мелькают из-под домашних тапочек. Изучает глазок, убеждается, что пожаловал муж, уголок рта ползет вверх, создавая на щеке радостную ямочку. Эдика обнимают, целуют и дают наставление помыть руки после улицы.

Петров садится во главе накрытого стола, завязывает на шее салфетку, оценивает разнообразие блюд (жена наготовила – молодец!), берет кусочек хлеба и ужинает. Хлебаёт борщ, щедро сдобренный сметаной, затем вторая половина угощает котлетами, которые здорово есть вприкуску с овощами: куснешь помидор, втянешь красную мякоть с семечками, хрустнешь огурцом – залихвацки, как казак шашкой рубанет по шее врага.

После ужина – фильм. Диван, чашка с фисташками или семечками (можно подогреть попкорна в микроволновке - карамельного или сырного), чай с кусочком торта или конфеткой. Подкрепив силы, Эдик и зеленоглазка покидают гнездышко: свежий воздух полезен перед сном. Вокруг гремит столица, но они не слышат шума. Держась за руки, прогуливаются вдоль домов...

- Огонька не будет?- спросили рядом.

Петров вздрогнул – не телом, а где-то внутри, попрощался с грезами о незнакомке и повернулся на голос молодого человека с капюшоном на голове. Лицо парня украшала густая модная борода, но в чертах угадывался студенческий возраст. За секунду Эдик разобрал его по микрочастицам: заметил, до старости лет тому ничего не угрожало, конечная остановка была

далека, как кубинская Гавана от Северного Полюса. Вытащив из кармана коробок спичек, Петров передал «огонек» парню. Тот удивился (все давно пользовались зажигалками), кое-как справился с чиркашом и поблагодарил. Эдик знал, что бородач промышляет темными делишками и хотел докопаться и выпотрошить содержимое петровских карманов, но заварушка привлекла бы внимание полицейского патруля, поэтому бояться не стоило. Студент почуял неладное и не рискнул связываться с тем, кто не отводит взгляд. Можно было расстроить парня и рассказать, что через два года он загремит на пятнадцать лет, если не остановится, но Эдик осекся. Никакие слова не направят того на истинный путь: жажда наживы неутолима, и адреналин не угомонится, пока на запястьях не шелкнут наручники.

Неблагополучный студент сбил Петрова с позитива и оставил гадкое впечатление. Подумав, что пора возвращаться домой, Эдик приподнялся, но через миг замер: перед ним приземлилась голубка. Миниатюрная серая птица с лапками-клеш вертела головкой влево и вправо, поглядывая на Петрова: эдакий привет из детства, когда во дворах разрешалось иметь голубятни, и сосед дядя Миша хвастался пацанве красивыми птахами. Парень застыл в нелепой позе и не шевелился, опасаясь спугнуть птицу. Давным-давно он читал, что души людей переселяются в животных и гадал, кто пожаловал в гости. Когда голубка улетела, скрывшись за верхушками домов, Эдик понял, что ему подали знак.

- Голубка появилась неспроста. Брюнетка – именно та. Она... Понимаешь?

- Понимаю, Эд. Втрескался, и тебе мерещатся знамения.

- Ха, шутник... Я без понятия, как с ней познакомиться,- сказал Эдик.- Боюсь все испортить неосторожным движением или глупым словом. Она меня отошьет, и что дальше прикажете? Жить с другими? Знать, что любимый человек умрет через десять лет и держать язык за зубами?

- Ты раздуваешь из мухи слона,- возразил я.

- Какой там! Девушка дала лучик надежды, и я не желаю затушить его. Наоборот, пусть разгорается и превратится в пламя.

- Давай разработаем план, чтоб не наделать ошибок.

Бессонную ночь мы потратили, перебирая десятки вариантов развития событий. Утром, когда солнце явило ярко-желтую макушку миру, Петров дремал в кресле, склонив уникальную голову на бок и подложив под нее согнутую в кисти руку. Я последовал примеру друга.

Сны мне не снились.

К завоеванию сердца зеленоглазки Петров отнесся с серьезностью математика, номинируемого на Нобелевскую премию. Он просчитывал ходы, используя «иксы», «игреки» и «неизвестные», складывал, вычитал, делил и умножал. Осознавая ответственность, Эдик взялся за дело со страстью мексиканского актера. На кону стояло счастье.

Предложения были разные. Я вынес на повестку дня интересный проект, в котором Петров выступал в роли богатея с крутой машиной, костюмами из бутиков Тверской улицы и прочими «привилегиями», но друг запротестовал, считая, что ложь ни к чему: рано или поздно об обмане узнают. Лучше предстать перед девушкой не в образе, а настоящим – истинным Петровым. Настоящий ничем похвастать не мог, поэтому решили брать бастион верным оружием – романтикой.

Начали с Петрова. Выбросили старые вещи (я удивился, как он накопил кучу драных джинсов и свитеров а-ля Советский Союз), проветрили и отмыли квартиру (обстановка и техника слава Богу не требовали выноса на свалку), и съездили в торговый центр за обновками. Эдик, примеряя одежду, сравнивал себя с моделью, намекая на сходство с «подиумными штучками», но со временем свыкся и вошел во вкус, заставляя меня приносить необходимые размеры. Магазин он выбрал средний – не дорогой и не дешевый – приличное место, где присутствовал стиль, продавцы не докучали глупыми вопросами и находждением в поле зрения, а спокойная музыка позволяла сконцентрироваться, остановиться и потрогать понравившийся товар. За час собрался сносный гардероб.

Я изумлялся, как меняется друг, как горят от восторга глаза, словно он видит свои «ветки метро» и самостоятельно пересаживается со станции на станцию. Вместо футболки чистая рубашка – белая с оттенком недозрелого яблока сорта «белый налив»; вместо джинсов или спортивных – отглаженные брюки – как положено, со стрелками; начищенная обувь, борода-эспаньолка («домосед» пострижен и смыт в раковину), наодеколоненный подбородок, короткая прическа. Петров стартовал не хуже Михаэля Шумахера в дебютном сезоне за «Бенеттон» и готовился к победам.

Зеленоглазая брюнетка не ведала о существовании потенциального жениха. Петров позволял себе проводить ее до дома, сохраняя расстояние, а однажды, когда готовность преодолеть стеснение достигла правильного градуса, он обнаружил рядом с избранницей чужака-ухажера. Чужак сложил руку на животе в жесте джентльмена, девушка держалась за нее цепкими длинными пальчиками и слушала мужские залиvistые речи.

Ухажер появился, будто принц в сказке – нежданно-негаданно, разве что коня не хватало для полной картины. Конь не заставил никого ждать: на следующий день брюнетку подвезли до работы на белом «Форде». Эдик просканировал мужчину и лицезрел весеннюю свадьбу.

Мириться с поражением Петров не пожелал. Рассказав мне о чужаке, как о нелепом казусе, в пылу он пообещал стереть того в порошок, но я попросил не злоупотреблять даром.

- Им движет любовь, как и тебя, как и всех нас,- доказывал я Эду.- Если б ты подошел раньше, то не ныл бы о несправедливости.

- Конечно, я в итоге виноват,- ярился друг.

- Женщины любят решительных,- сказал я и пожалел.

Эдик обиделся, покраснел лицом, словно красnodарский томат осеннего урожая, и ушел.

Два дня он не писал и не звонил. Ответом на попытки прорваться к нему через мобильную сеть служили длинные гудки, и я бросил затею, как гуманитарий ненужную алгебру. Работал, смотрел европейский футбол, но отвлекаться не получалось. То и дело я находил молчащий телефон, а на каждую смс срывался прыжком неудачника-укротителя, которого лев погнал со сцены под улюлюканье и смех зрителей.

Явился Эдик вечером второго дня: хмурый, опухший от алкогольных возлияний, но не падший духом.

- Мы поступим по-честному,- сказал он.- Я знаю, что надо сделать, чтобы устранить конкурента, но сыграем без крапленых карт и козырных тузов в рукаве. Я хочу понравиться брюнетке. И все. Дальше пусть выберет сама. Ты со мной или как?

Что за вопрос! За Эдиком я побежал бы на край света в любое время суток, пусть только скажет куда. Капитан, дай нам курс, а мы не подведем!

- ЦСКА сыграет вничью, забьют по голу,- сообщил он.

- Ты умеешь остудить интерес к матчу,- оценил я проникательность друга.

Утром Петров был свеж и выбрит. Вдвоем мы поехали в автосалон, где Эдик на скопленные за три года средства купил новехонький «Мерседес» класса «С» в кузове купе – серебристый, как отполированный кусок металла, и привлекательный, словно дельфин в море.

- Чем я хуже?- вопрошал вчера Петров, попивая сваренный кофе.- Ничем. Опоздал на поезд и остался на перроне. Из вагона мне махали ручкой, намекая на проигрыш, но не на того напали!

Стальной баварец шелестел свежими шинами по асфальту. Стоило слегка нажать на педаль газа, как под капотом просыпался табун лошадей, у которых выросли крылья, и «Мерседес» воспарял над дорогой. Сотню километров в час машина преодолевала за пять-шесть секунд: безупречная немецкая техника находила в душе скрытые уголки и радости, и безумства.

В местном ГИБДД мы поставили авто на учет и катались по городу, пока стрелки часов не приблизились к обеду. Эдик подбросил меня до дома, пообещал держать в курсе и поехал знакомиться с зеленоглазкой.

Несколько попыток не увенчались успехом. Брюнетку провожал ухажер, по нему можно было сверять кремлевские куранты. Эдик сидел в машине, наблюдал за счастливой парочкой и скрипел зубами. Подходить, когда рядом маячил экземпляр мужского пола, он не хотел. Выставить себя в образе героя романа Достоевского – идиотом – тоже не горел желанием.

Дни летели, и вероятность бракосочетания мужчины и женщины возрастала. Они привыкали друг к другу, и Петров понимал, что время играет не на его стороне. Необходимо срочно что-то менять. Срочно! Иначе провал!

- Неужели у чужака не бывает никаких дел?- спрашивал Эдик у отражения в зеркале.- Он же должен отлучаться? К маме, к друзьям – куда угодно!

Хорошие новости подоспели в пятницу. Во время утренней поездки на работу парочка повздорила. Брюнетка долго стояла у открытой двери «Форда», пригнувшись в салон, что-то говорила, уходила и возвращалась, спорила с ухажером, а тот стучал по рулю. Криков из-за бокового стекла Эдик не слышал, но эмоции передавали положение дел не хуже звуков. Друг, довольный спектаклем и пошатнувшимся реноме мужчины, изучал варианты событий.

- Давай, милая, подлей маслица в огонь,- просил Эдик брюнетку. Та не подводила. Давала ухажеру перца – не болгарского, а острейшего в мире, того, что зовется «Скорпионом Тринидада» за чудовищную жгучесть. Чужак вкушал его, смешивая злость и безысходность, и когда обстановка накалилась, он обжегся. Зеленоглазка ушла. «Форд» умчался, увозя хозяина.

Вечером девушка осталась одна. Когда она покинула общественный транспорт, к ней подбежали наряженные аниматоры в праздничных костюмах, вручили букет белых и пригласили на праздник в торговый центр. Брюнетка отнекивалась, но ее не слушали: весельчаки водили хороводы и вели гостью ко входу. Среди аниматоров был и я. Если девушка упиралась и придумывала доводы о якобы срочных делах, я шумел, издавал смешные звуки через дудочку-вувузелу и верещал о подарках и сюрпризе, не получить который означало «пропустить лучшее событие в России» (чего не придумаешь ради друзей).

Мы завели девушку на конкурс. Чтобы праздник выглядел достоверно, выбрали случайных представительниц женского пола. Нанятый ведущий огласил список призов и закрутил карусель из вопросов. Брюнетка поначалу стеснялась, прижимая букет к груди, затем раскрепостилась и отвечала бойко. Я никогда не видел Эдика таким жизнерадостным. Он не обращал внимания на толпу людей, всегда смущавшую и выводящую из равновесия, на многочисленные судьбы, на разноцветные ветки, переплетенные в лабиринты. Петров направил взор на красавицу и напомнил мне ребенка, которому долго не разрешали мороженое, сняли запрет и позволили наесться до отвала.

- Каждая участница получит по сертификату на покупку косметики в салоне «Этели»,- сообщил ведущий.- А теперь подведем итоги викторины и огласим главный приз! Готовы услышать имя победительницы?!

Зал зашумел, предвкушая дармовую раздачу (проспонсированную Петровым, надо учесть). Баллы подсчитали.

- Дамы и господа!- Ведущий сделал театральную паузу.- Сейчас имя победительницы золотыми буквами будет вшито в летопись истории! По итогам трех конкурсов обладательницей главного приза – уикенда в отеле класса люкс «Дон Кихот» становится... – Зазвучала барабанная дробь.- Вероника Любимова!!! Поздравляем ее с победой!

Зеленые глаза девушки сверкнули малахитовым огоньком.

Ведущий подал знак, и я с аниматорами приступил к набору участников-мужчин. Мы отрядили на сцену Эдика, усатого дядьку, напомнившего

милиционера из советских фильмов и приятелей, активнее других вызывавшихся на сцену. Процедуру повторили, объявили Петрова победителем, остальным вручили билеты в «Цирк на Цветном бульваре».

- Поаплодируем победителям – Эдуарду Петрову и Веронике Любимовой!- Ведущий взял их за руки, подвел к краю сцены и соединил ладони.

Эдик почувствовал в руке теплую ладошку Вероники: влажную от волнения и теплую. Они сделали жест чемпионов и утонули в овациях. Российский народ любил везунчиков.

Петров помог даме спуститься и поинтересовался, когда она планирует ехать в «Дон Кихот».

- Не думала,- ответила брюнетка.- Были планы на выходные, но отменились.

- Подарки не каждый день разыгрывают,- сказал Эдик.- Думаю, стоит поехать. Все включено, увлекательные программы, театральные постановки...

- Возможно.

- Я планирую выехать с утрачка на машине. Могу подбросить. Обещаю вести себя галантно и доставить в целости и сохранности.

Вероника засомневалась, но Петров выглядел добродушно: такой и мухи не обидит.

- Давайте,- согласилась она.- В девять будет удобно?

Эдик трансформировался. Этой секунды хватило, чтобы сделать сотню серийных снимков, и они запечатлели бы всю картину: от тягостного ожидания после озвучения предложения, до задумчивости, пока девушка принимала решение, и, наконец, до улыбки, порожденной положительным ответом. Я наблюдал за реакцией уникального друга, он светился, словно подросток, выпивший рюмку запретного отцовского коньяка, и если бы разрешили закричать что есть сил, Петров огласил криком Вселенную.

- Конечно, удобно,- ответил Эдик.- Я живу неподалеку, поэтому нет проблем. Состыкуемся у торгового центра?

Брюнетка кивнула, и я, заметив, что разговор застопорился, шепнул аниматорам. Они включили музыку и продолжили веселье.

После праздника Петров вез меня домой. Я сидел уставший, голосовые связки после громких песен просили пощады, но Эдик, ограничивавший себя на протяжении вечера, болтал и задавал тысячу вопросов, по глупости сравнимых с тестами по ЕГЭ. Его интересовало, как он выглядел, как держался (спина прямая или нет?), как прошло мероприятие, и еще мелочи, кажущиеся важными. Мне приходилось вести диалог, но, заметив очертания родной девятиэтажки, я сдался на милость усталости и попрощался.

На рассвете мобильник завибрировал, от Петрова пришла смска «Спасибо! Качу за Вероникой! Не скучай!». Сквозь дымку сна я прочитал сообщение, ответил «Хорошо» и повалился обратно. Выходные обещали много интересного: футбол, свидание с коллегой по работе и вылазку на хоккейный матч. Необходимо набрать полную батарею заряда.

Эдик не спал. Выгрузив меня, ездил по городу – без цели сжигал бензин, наматывая километры, стоял в пробках, поужинал в «Мак Авто», и домой прибыл поздно. Лег на кровать и уснул, однако, в три после полуночи в организме щелкнул тумблер, и сон растворился.

За ночь выпал снег, и машины напоминали бесформенные сугробы. Прихватив щетку, Петров очистил водительскую дверь, завел двигатель, и пока тот прогревался, высвободил немца из плена.

Ранняя Москва дышала зимой. Снег нарядил город в белоснежные одежды, а мороз не позволял превратить снежинки в грязную кашу. Район купался в рассветных лучах.

Вероника опаздывала.

Опаздывала не критично – на минут десять-пятнадцать – для женщины приемлемый показатель.

Она не переживала, даже идя на свидание, но сегодня впервые за двадцать пять лет ощутила прилив стыда.

Эдуард не возмущался. Наоборот, его искренняя и добрая улыбка пронзила девушку в область груди. Вероника невольно вспомнила Игоря, с которым встречалась последние недели: он хмурился, стоило немного задержаться. Пунктуальность ставилась превыше всего и стала причиной ссоры. Ника не стерпела брюзжание Игоря, когда он отчитывал ее, как малолетнюю девчонку, вспыхнула и высказала все, что думает. Ладно бы они жили вместе или встречались с незапамятных времен, тогда простительно, но если мужчина применяет только свои стандарты – не получится, дорогуша.

- Вы извините,- сказала брюнетка.- Нарядилась-нарядилась и выпала из реальности. Сами понимаете – женщины.- Она засмеялась.

- Я забыл вчера спросить адрес. Эта круговерть... Запомню. Так бы не пришлось по морозу бродить.

- Ничего. Прогулялась, размялась. Ходьба полезна.

Петров настроил навигатор на Калужское шоссе, перевел селектор в режим «движения», и немец, рыкнув баском, выкатился с парковки. Эдик уловил легкий аромат духов (что-то огуречное, не сладкое и не приторное) и вдохнул его – незаметно, чтобы запомнили рецепторы.

- Вы улыбчивый,- сказала она.- Мужчины серьезны по поводу и без. Хлебом не корми – дай поворчать, да брови сдвинуть.

- Я недалеко от яблони упал,- признался Петров.-

- А у вас есть музыка? Давайте послушаем.

Эдик щелкнул кнопкой на руле, вызвав меню, и выбрал радио, где ставили ретро-песни. Из колонок запел британец Робби Уильямс.

- О-о! Отличная вещь! Давненько не слышала! Он еще поет?

- Да. По-моему, даже с концертами в следующем году планирует.

- Здорово.- Девушка застучала пальцами в такт музыке.- А вы ходите на концерты?

- Редко. Плохо себя чувствую, когда вокруг народ.

Эдик, не вдаваясь в подробности, перескочил с болезненной темы на тему чтения. Поинтересовался, любит ли Вероника книги и попал в цель.

- Обожаю читать,- ответила брюнетка.- Не понимаю, почему русские променяли книги на телефоны и игры. Едешь в метро, один уткнется в экран, другой уткнется в экран, листают бездумно новости... Скоро поговорить не с кем будет. Вы заметили, что люди общаются более короткими фразами, чем раньше? Все боятся разговаривать. Замкнулись, каждый в «домике». Помните, играли в детстве?

- Я всегда читаю в метро,- сказала Ника после небольшой паузы.- И не с планшета, а покупаю романы или сборники в бумажном варианте... Да-да, прошлый век!- Она махнула рукой, хотя Эдик и словом не обмолвился.- Не могу по-другому. У родителей огромная библиотека, папа ни дня без книги не проводил. Приходил с работы, ужинал, и в кресло-качалку. Курил трубку и читал, пока не засыпал... Я маленькая была, сидела у него на коленях, он учил алфавиту, так и пристрастилась... Знакомые насмеваются, говорят, не от мира сего. Все о деньгах думают, карьеры строят. Нынче книга - дикость, молодежь кроме брендов и «яблокофонов» ничего не признает.

Вероника говорила, а Петров слушал. Ее речь звучала, словно течение ручья – тихонько и переливчиво, а голос не резал слух высокими нотами, напоминая по звучанию меццо-сопрано, если провести классификацию по певческим признакам. Эдику нравилась разговорчивость брюнетки, он редко видел харизматичных девушек: все, с кем он ранее знакомился, отмалчивались.

Эдик выехал на проспект Мира, свободный в раннее время от заторов. Робби Уильямса сменил Джо Кокер, и «прокуренный баритон» захрипел из динамиков. Зеленоглазка оживилась, подпевая известному хиту, где певец просит снять оковы с сердца, и удивляла Петрова. Необычайная легкость, присутствующая в общении, веселость и задор порождали в парне неведомое доселе влечение, и если раньше девушка нравилась визуально, то теперь притягивала магнитом внутреннего мира, широкого и не похожего на пластиковых глупых девичек. Эдик углублялся в безграничный океан, как подводный батискаф Жака-Ива Кусто, управляемый исследователями, и боялся, что воздуха, рассчитанного на погружение, не хватит.

- А кем вы работаете?- спросила брюнетка.

Петров задумался, не желая обманывать, юлить и сочинять глупые профессии.

- Спасая людей,- нашелся он.

- А я врач-невролог в частной клинике. Отучилась, пошла работать к папиному знакомому. Звали в государственную больницу, но какие там условия... Вы не похожи на спасателя,- засомневалась она.- Я не видела

спасателей вживую, но в моем представлении они – большие дядьки. У вас внешность музыканта или писателя. Творческой личности.

- Лестно слышать. Жалко не умею ни петь, ни танцевать, ни стихи сочинять.

С проспекта Мира двинули на Садовое, с Садового на Ленинский проспект, далее по проспекту 60-летия Октября, по Профсоюзной улице до Калужского шоссе, свернули на дорогу, ведущую в поселок, и добрались до отеля в сосновом бору.

Эдика с Никой зарегистрировали, объяснили расположение корпусов, выдали интерактивные путеводители, чтобы не затеряться, и программу мероприятий.

- Сегодня закрытый показ нового фильма японского режиссера Акио Кобаяси,- объявила девушка-администратор.- А завтра спектакль «Солдаты, солдаты!» Ярославы Ким. Юморной и музыкальный! Я несколько раз бывала!

- Мы придем,- пообещала Вероника.

Мы. Придем. Не я приду, а именно *мы*. Петров представил слова, написанные мелом на школьной доске. На душе потеплело от сказанного брюнеткой. Возможно, она обмолвилась, чтобы отвязаться от прилипчивой администраторши, но Эдик верил, что произнесенное Никой – правда.

Парень и девушка покинули отель и пошли по дорожке к одноэтажным коттеджам. Дышалось легко. Окружающие жилой квартал сосны дарили кислород; после грязной столицы, пропитанной выхлопами и выбросами, его можно было хватать ртом и есть как пудинг – жадно, загоняя «О2» в кровь. Свежесть одурманивала, а Ника разгоняла кровь круче мотора «Мерседеса». Не знаешь, как остановиться: ни тормоза, ни сцепления, ни ручника под рукой, перед глазами все мелькает, сливаясь в размытую картину, и нет выхода из круговерти.

Вероника предложила покататься на снегоходах. Петров кивнул. Если б она захотела нырять в прорубь, он не отказался. Смотря в ее глаза, пылающие искорками озорства, он умиротворялся и благодарил Бога за выпавший шанс. В последние недели все перевернулось с ног на голову. Когда появилась Вероника, Эдик как пойманный на крючок зеркальный карп – зацепился крепко, не соскочишь, барахтайся не барахтайся – вот он ты, с поддетой губой, изорванной безжалостной сталью; и удачливый рыбак тянет тебя на берег, с азартом накручивая катушку. Неизвестность не пугала. Наоборот, рождала интерес к новому и загадочному. Любопытство из маленького зернышка разрасталось в стебель.

Отель оправдывал пять звезд с лихвой: камин, медвежья шкура, джакузи и современные технологии смешались в едином миксе. Коттедж управлялся сенсорным пультом: нажимаешь кнопку – включается свет, нажимаешь другую – из стены выдвигается телевизор. Список возможных увлечений поражал: сауна, бассейны, тренажеры, охота, фильмы, спектакли,

тематические вечеринки и дискотеки, романтические ужины и так далее. Делай, что пожелаешь. Отдыхай, веселись, расслабляйся.

По телефону Петров договорился об аренде снегоходов, переоделся и спустя час заглянул за Никой. Она предстала в зимнем утепленном костюме – ярко-оранжевом с кислотно-салатовыми вставками, сменив полушубок на удобную одежду.

День понесся, как спортсмен на горных лыжах. Инструктор обучил азам и познакомил с техникой, и они, восторгаясь, поехали по склонам.

После катания обедали в ресторане итальянской кухни. Вероника, раскрасневшаяся от мороза, оседлала любимого конька – красноречивость, а Эдик беседу поддерживал с нескрываемым удовольствием и ухаживал за девушкой.

С десертом подошел официант, седовласый кавказский мужчина.

- Вы еще не думали, как провести время?- спросил он.

- Нам говорили, что будет японский фильм,- ответила Ника.

- Приходите после кино. Шеф-повар научит вас готовить фирменный рибай-стейк, который потом и отведаете. Удивительное блюдо!

- Спасибо!- хором сказали мы.

Сюжет фильма рассказывал о японском солдате времен Второй мировой войны, отказавшемся выполнить приказ руководства и расстрелять американского пленника. Жестокая картина, раскрывающая широту души. Эдик мучился от начальных до финальных титров. Душное помещение, забитое под завязку золотой молодежью и богатыми папочками с сопровождением. И судьбы, судьбы, судьбы, наваливающиеся, давящие множественностью. Петров силился игнорировать их и наблюдать за перипетиями главного героя, но не получалось. Люди заходили и выходили (кто за водой, кто по нужде), и вместо сцен японского фильма возникали кармы персонажей из зала.

Мастер-класс от шеф-повара отвлек парня от дурных мыслей. Скучающий итальянец обрадовался гостям и творил на кухне искусство. Мраморная говядина, посоленная и поперченная, смазанная оливковым маслом, смешанным с розмарином и чесноком, отправилась на гриль, а маэстро занялся приготовлением перечного соуса.

- Репчатый лук обжариваем на масле, заливаем сливки, выпариваем чуть-чуть,- комментировал он, колдуя над плитой.- Затем измельчаем в блендере.

- Брависсимо!- хлопала в ладоши Вероника.

- Вся фишка в мясе. Оно из передней части, примерно от пятого по двенадцатое ребро,- секретничал итальянец.- Пальчики оближете!

Блюдо получилось вкуснейшим, как и предугадал житель Апеннин. Парень и девушка, вооружившись ножами и вилками, ели восхитительный стейк, пили вино и слушали живую музыку. Бэнд играл джаз.

- Поразительная суббота,- делилась впечатлениями Вероника.- А я думала посижу дома, отдохну от работы и суеты... Ни капельки не жалею! Поездила на снегоходе, посмотрела интереснейший фильм, а теперь мамбо италиано!

- Завтра «Солдаты, солдаты», - напомнил Петров.

- Да, я в ожидании. Думаю, никто не разочаруется.

Никто не разочаровался. Музыкальный водевиль о любви солдата и санитарки с идеальной игрой актеров – показали после утреннего развлекательного шоу. Ника обсуждала актерский состав, добавивший положительных эмоций, и будила в Эдике зачерствевшие чувства. Рядом с ней он был как семнадцатилетний юнец, и каждая клеточка тела трепетала, словно мотылек перед огнем.

Идиллию испортил телефонный звонок. Девушка раздумывала взять трубку или нет, решила и отошла в сторону. Спина Вероники, облаченная в платье, подрагивала, предвещая дурные новости. Звонил чужак – Петров нутром чуял.

В остаток дня вектор позитива, заданный субботой, сместился вниз. Эдик бился о неприступную стену, и никакие «троянские кони» не помогали. Возникшая ситуация показала насколько минимальны шансы на успех – ноль целых одна десятая из ста – и не больше.

- Что-то стряслось?- спросил он.

- Прошлое стучится,- ответила Ника.- Я поеду домой, вы не против?

- Я отвезу вас.

- Зачем? Впереди интересная программа... Не обращайтесь внимания, отдыхайте. Я должна... Должна разобраться.

Однако Петров не отступил, попросил администратора пригнать авто и принять номера. Сотрудница с ресепшена удивилась, но в «Дон Кихоте» не спорили с клиентами.

Петров ощущал себя футболистом «Баварии», проигравшим «Манчестер Юнайтед» за две минуты до конца матча.

Слова, произносимые мной, не утешали друга. Выслушав рассказ Петрова о выходных, я подбадривал товарища и считал поражение маленьким успехом, кирпичиком в фундамент возводимого бастиона, но Эдик, вернувшийся в предыдущее серое состояние (небритый, с похмелья, в джинсах вместо отглаженных брюк) отмахивался. Вера, движимая им в последние дни, иссыкла, пересохла, будто колодец в пустыне.

- Ты ей не звонил?- спросил я.

- Куда?- Он поднял руки, напоминая раскаявшегося грешника.- Я не стрельнул телефон.

- Глупо. Составляли-составляли планы, а важную миссию продули.

- Да, а он вот позвонил... И все испортил...

- погоди,- остановил я Петрова.- Ты ищешь проблему не там, где нужно. Давай признаем факт, что мы облажались. Без сваливания вины на посторонних. И не станем посыпать голову пеплом, а обозначим себя противнику. Или ты сдаешься?

- Тебе надо выступать тренером по мотивации.

- Пациент шутит, значит не потерян. Какого рожна ты облачился в старье??? Мы накупили брюк и рубашек, а ты опять выглядишь, как мышинный король. Прими душ, поскобли подбородок бритвой, включи обаяние и беги на штурм...

- Ты точно не заканчивал курсы мотиваторов?

Я рассмеялся. Сквозь бледное лицо Петрова потихоньку проглядывался обновленный Эдик – тот, кому под силу измениться, но слабый и бесцветный не исчез до конца.

- Борись и покажи, что Вероника важна, что ты думал о ней, а не заливал горе коньяком. Слишком мало сделано, дабы почивать на лаврах.

Я наблюдал в окно, как Петров заводит серебристого коня и покидает двор, мигнув на прощание «аварийкой», и прислонился лбом к холодному стеклу, посылая ему импульс.

Пусть все будет хорошо. Все хорошо. Ты справишься. Бог вознаградит тебя за годы лишений. Только не сдавайся...

Чужак, будто кот породы Сфинкс, по миллиметру зализывал поражение. Лысый и противный, он вырывал Нику из рук Эдика, похищал, вцепившись когтями в драгоценную плоть. Петров наблюдал из окна авто за объяснениями ухажера. Сначала лицо брюнетки выражало ненависть, затем недовольство, а по окончании разговора победная ухмылка довершила гамму. Эдик гадал, что это означало – прощение или «от ворот поворот», но не получил ответа. Отвлечшись на прохожих, он выделил в толпе блондинку в шубе и увидел, как она сегодня разбивается под колесами поезда. Чертыхаясь, Петров накинул куртку, заблокировал немца и побежал следом.

У перехода он нагнал ее и сбавил скорость. Впервые за время обладания даром Эдик находился в тупике. Все ветки девушки вели на конечную станцию, продолжения не было. Самоубийца, догадался парень. Только этого не хватало!

На лестнице Петров ускорился и дотянулся до плеча блондинки. Она вздрогнула, не ожидая касания, и оглянулась. Миловидная, приятная, красивая: голубые глаза, пухленькие губки, пшеничные золотистые волосы.

- Простите,- сказал Эдик, собираясь с мыслями.- Это не мое дело... Пожалуйста, не делайте того, что задумали... Это не выход... Послушайте.

- Болезнь прогрессирует,- ответила она.- Не существует лекарств, которые излечат меня.

Из-за сомнения на карте образовалась новая ветка: та, что создал он секунду назад. Затеплилась надежда.

- Откуда вы узнали?

- Прочитал мысли,- пошутил он.

- Сказка какая-то.- Она развернулась, намереваясь двигаться вниз.

- Подождите! - Эдик зажмурился и схватил ее за рукав.- Я не прощу себе, если вы... Всегда существует шанс... Вдруг завтра разработают лекарство, которое спасет от неминуемого...

- Шанс... Я ни во что не верю. Доктора выбросили белый флаг.

- Жизнь преподносит сюрпризы,- сказал Петров.- Чудеса случаются. Разрешите угостить вас кофе.

Эдик выдохнул. Напряжение, возросшее до шаровой молнии, взорвалось и отпустило. Они устроились в ближайшей «Шоколаднице», и за чашкой капучино Петров поведал свою историю. О странном даре, о сложностях в жизни, о подарке, который он получил в лице Вероники.

- Я не ждал изменений и существовал в параллельной реальности, где люди радуются мелочам, а я не могу ни с кем поговорить, так как вижу любого насквозь,- сказал Эдик.- Когда я рассматривал ваши переплетения судеб, они вели к одному – гибели под поездом. Теперь там новая ветка... Я помогу найти выход. Мне нужно, чтобы вы не думали о самоубийстве.

Пока Эдик изъяснялся, карта над несостоявшейся самоубийцей утратила смертельные очертания. Три линии вели к спасению, и он выбрал их целью.

- Ситуация улучшилась. Вижу варианты, у одного вероятность победы над болезнью наиболее высока. Записывайте, что необходимо...

Когда Петров покинул кафе, на улице горели фонари, разгоня сумрак желтыми лучами. «Форд» чужака растворился среди иномарок. Эдик погнал домой.

Разувшись, он прошел в комнату и лег на кровать. На потолке играли отражения фар проезжающих машин.

Почему, думал Петров, подложив ладони под затылок, женщина, которая проводит восхитительный день с приличным молодым человеком, не дает ему шанса, а возвращается к хмурому, банальному и ворчливому «прошлому». Как понять Веронику? Неужели он не угодил ей, или преимущество чужака в том, что тот хочет отношений? Так и Эдик к ним готов. Нужна возможность показать серьезность намерений.

Ника, зеленоглазая брюнетка, второй дар, посланный Богом; прошляпить ее – все равно, что закрашивать черной краской оригиналы Ван Гога – тяп-ляп, и тьма поглотит шедевры.

Действовать без оглядки на соперника – вот правильное решение. Когда Вероника узнает Эдика, она выберет его или нынешнего ухажера, но горечь поражения или сладость победы будут заслуженными. Если предпочтение падет на чужака, Петров поймет, запрется в холостяцкой келье и устроит алкогольный забег на длинную дистанцию. Если счастливым окажется он, то отпустит душу летать над столичными небоскребами, а сам закружит Нику в танце...

В мечтательных грезах Петров уснул, утром умылся, переоделся в чистое и поехал к дому Вероники. Поехал на удачу, рискуя проторчать утро в ожидании, но высшие силы сжалились, и парень встретил девушку у подъезда. Она была не накрашена, помята после ночного сна, но не утратила шарма.

- Эдуард, вы откуда?- удивилась Ника.- Привет!

- Привет! Думал, приглашу вас позавтракать, но не спросил телефон, а единственное, что знал, это адрес. Прибыл в надежде на удачу.

- Она не подвела. Я сегодня выходная. Дома хлеб закончился, выбралась в магазин. Так бы провалялась на кровати, читала или отдыхала.

- Так как насчет вкусных блинчиков и латте с шоколадом?

- Заманчиво звучит... Куда потом бока с талии девать?

- От пары блинчиков не вырастут.

- Хорошо. Подождете две минуты? Я приведу себя в порядок.

Вероника упорхнула обратно, а Петров нашел местечко неподалеку. Ожидая девушку, корчил рожицы в зеркало заднего вида и веселился. Настроение, вчера обитающее в районе плинтусов, метнулось вверх, зацепив по пути космические орбитальные станции, несколько планет, и осталось среди далеких галактик.

Когда Ника вернулась, он посерьезнел, хотя уголки рта выдавали дуракаваляние.

До Сокольников добирались около получаса: для утреннего трафика приличное достижение!

- Куда едем?- любопытствовала Ника.

- Я знаю французское кафе. Однажды там побывал и влюбился в их кухню. Отменно готовят... Еще на Таганке вкусные блинчики, но мы помрем с голоду, если туда направимся.

- На Соколях можно погулять.

Фраза, сказанная невзначай, окрылила парня.

Они отведали блинчиков (выбрали ассорти из оладушек с различными вкусами: с красной икрой, грибочками в сливочном соусе, с ломтиками семги,- всего десять кушаний), выпили кофе и прошлись по заснеженному парку. Беседовали, не повышая голоса, а под ногами хрустел снежок – неделя начиналась с морозца.

Петров фиксировал каждый шаг. Когда достигнет старость, он хотел пересказывать внукам славные моменты, усадив их на коленки и настраивая гармонию, которая существует между поколениями старых, познавших жизнь, и молодых, еще не нюхавших пороха.

На прогулке наткнулись на каток.

- Не хотите?- спросила брюнетка.- Согреемся.

Петров кивнул, хотя на льду напоминал неуклюжего медведя, о чем и предупредил Нику.

- Ничего, научим,- сказала она.- Я покажу.

Они выбрали коньки подходящего размера и вышли на лед.

- Эдуард, сначала отталкиваемся ото льда коньком, но не носком, а ребром.

Вот так.- Она показала.- Ногами скользим по очереди, меняем их.

Петров попробовал, но упал и распластался на спине. Девушка подняла его и повторила движения.

Худо-бедно начало получаться. Эдик больше не излучал флюиды беспомощности и получал удовольствие, похожее на преодоление

трудностей в детстве, когда мелким отпрыском ты едешь на взрослом велосипеде, и по бокам нет колесиков для подстраховки: ты один на один с неизвестностью, крутишь педали и рискуешь оказаться на асфальте, столкновение с которым принесет шишки и ссадины, а хуже того – смех и язвительные выкрики дворовых пацанов, наблюдающих со стороны. На катке никто не язвил и не подтрунивал. Ника обучала Петрова азам зимнего спорта, а парень блаженствовал.

Ночью, листая в памяти прошедшие мгновения, Эдик силился припомнить, бывало ли, чтобы сосуд счастья наполнялся до краев и не убывал. Как правило, на ложку меда находилась ложка дегтя, уравнивая хорошее и плохое, но чаще всего серость укрывала окружающее пеленой: недели и месяцы проходили в мутном ритме.

Вероника вносила ясность в туман. Незабываемая суббота в «Дон Кихоте», удивительное сегодня, без чужаков, ухажеров, глупых звонков с прощениями, грязи и грубости: только парень и девушка, приятности, любезности, шутки и задор. Ни переломанных судеб, врывающихся энергетическим зарядом, способным наломать дров, ни пересадок. Настоящая Жизнь.

Ночь вернула все на круги своя. Эдик не обнимал подругу/девушку/жену, как большинство мужчин в мегаполисе, а лежал один. Когда у него появлялись женщины, Петров наблюдал за переплетениями их карм и видел, что произойдет завтра, послезавтра, через год. Сложно ведать каждый шаг второй половинки, но сложнее жить с осознанием этого. Петров не выдерживал, но чаще дамы опережали, рассуждая о несовместимости характеров, или избегали разговоров, уходя по-английски. Парень не требовал многого: утолял физиологические потребности, да лицезрел красоту; женщины же по природе ищущие опору в лице мужчины, не получали желаемого.

Эдик ждал ту, что станет загадкой, ответы которой не висят, словно политическая карта стран перед Магелланом, а спрятаны глубоко, их не подденешь отмычкой, нужно подобрать код, пройти испытания, и замок отщелкнется.

Дверь к сердцу Ники не отворилась. Петров стоял со связкой ключей.

Вероника Любимова. Вероника любимая...

Москва встала в девятибалльных пробках, а ажиотаж покупки подарков достиг критической нормы. Петров забрал меня с ВДНХ, и два часа автомобиль продирался по забитому Проспекту Мира (в горлышке на мост столкнулись «БМВ» и «Рено», из-за чего возник транспортный коллапс). Когда удалось нырнуть под Северянинский путепровод и подумать об ужине, пробка образовалась на улице Летчика Бабушкина.

- Да что такое,- возмутился Эдик.- Транспортный коллапс.

- Я говорил, на метро доеду, а ты – нет, прокатимся.

Петров проворчал что-то нечленораздельное, намекая на некомпетентность с моей стороны: я мол, часто рассчитываю на дар Эдика, а он жаждет пользоваться им реже. Лучше – вообще никогда.

Мы закупились в пиццерии и забазировались.

- Когда на свадьбу пригласишь?- спросил я.

- Пока отношения не перешли на другую стадию. Точнее, они вообще ни в какие стадии не переходят. Она принимает приглашения, гуляет, обедает, ужинает, затем появляется ухажер, и начинается катавасия,- ответил Эдик

- Бросает женщину между двух огней?

- Ага.- Петров погрустнел.- Вероника не позволяет сделать следующий шаг. Ни сюрпризом не получается, ни нахрапом. Так классно погуляли в Сокольниках, я размечтался, что дорожка протоптана: кино, свидания, цветы.

- Ты что, не дарил ей цветов после конкурса?!

Эдик стушевался и покраснел. Я цокнул и протянул сотовый телефон.

- Заказывай букет! А то встанешь в очередь вслед за ухажером! Ты должен быть на два шага впереди, а плетешься, будто улитка. Несерьезный подход. Друг сделал заказ на сайте, оплатил банковской картой, и через десять минут курьер повез цветы на Никин адрес. Мы поужинали, я и отчалил с чувством выполненного долга.

Ничего не предвещало беды, но позвонившая Вероника сообщила Эдику, что подумала и сделала выбор.

Далее последовали путаные объяснения о сложности женской души и прочая ерунда, которую Петров пропускал мимо ушей. Слышал лишь голос брюнетки, превратившейся из будущей невесты в ту незнакомку с улицы, голос, ставший за несколько недель родным, а теперь отдалявшийся, как корабль от берега.

- Жаль. Вы мне очень нравились,- сказал Эдик.

Связь прервалась. То ли он зацепил пальцем сенсор, то ли Вероника прервала разговор на минорной ноте. Петров застыл и не двигался, а когда реальность подступила к горлу, он разозлился, грохнул о стену мобильник и закричал, давясь от мешавших слез.

Он не плакал с детства. С того дня, как избавился от Витьки Битюга. Местный хулиган Витька Аракчеев по прозвищу Битюг любил задирать ребят меньшего возраста: тех, кто не мог дать сдачи. Осенним вечером Битюг появился во дворе, все пустились врассыпную, а Эдик набивал мяч и пропустил приближение врага. Витька толкнул Эдика в спину, тот поскользнулся на скользкой траве, мокрой после вчерашнего дождя, рухнул, а Битюг залез сверху, оттягивал за уши и говорил похабщину. Петров вырывался, но рослый соперник имел больший вес и помимо увлечения пивом и сигаретами тягал гири и гантели.

Когда Битюг наигрался и отпустил, злость Эдика вырвалась наружу. Он впервые увидел последние секунды жизни чужого человека и выпалил, что жить Витьке осталось два дня.

- Послезавтра ты умрешь и не будешь издеваться!

Битюг зарядил Петрову под дых, сплюнул под ноги и вразвалочку, подчеркивая собственное достоинство, удалился. Эдик не пролил ни слезинки, хотя болели грудь и копчик, а уши горели нестерпимым огнем, и даже ледяная вода из колонки не охлаждала их.

Реветь пришлось в среду, когда мама Битюга, вопя сиреной, влетела к ним в дом и пообещала придушить колдуна.

- Витька сказал, если он умрет, то виноват в этом Эдик! Ваш отпрыск навел на него порчу! Порешу заразу!

Она вцепилась в Петрова, норовя добраться до горла (вот семейка, все на подбор!), но между ними вклинилась мама и отшвырнула истеричку от сына.

- Подите прочь! Мой Эдик мухи не обидит!

Мать Битюга повторила попытку, взяла в плен эдиковы волосы, и таскала паренька из стороны в сторону. Мальчик заплакал, но не от боли, а от созерцания «веток метро» над головою Витькиной матери. Его испугал факт того, что он предсказывает будущее людей, а будущее женщины шокировало: наркотики, беспорядочные связи, афера с квартирой и по итогу нищета. Эдик завопил, мама отвоевала сына и выдворила буянку за дверь, где та напоминала о себе криками и угрозами. Когда шум на лестничной площадке поутих, мама попросила рассказать о ситуации.

- Я не виноват,- оправдывался Петров.- Витька ударил, я не сдержался, сказал гадость. Это совпадение! Я не думал, что что-то случится.

Эдик не раскрыл тайны. Он никогда не признавался родителям, что видит чужие судьбы. Его посчитали бы ребенком с нарушенной психикой и поместили в клинику, подальше от «нормальных» Битюгов и компании, а попасть туда означало одно (и мальчик, несмотря на возраст, это понимал) – смерть или состояние овоща.

- Совпадение, значит?- уточнила мама.

Петров плакал и кивал.

Скандал замяли. Семейство Аракчеевых переехало в другой район, обменяв трешку на двушку, и затерялось в джунглях мегаполиса.

Позже во дворе рассказали, что Битюг разбился, совершая на спор рекордный прыжок через гаражи. Оттолкнулся слабо, не долетел и упал между двух ракушек. Врачи диагностировали перелом шеи...

Эдик наклонился над разбитым телефоном. Экран – вдребезги, задняя крышка переломлена пополам, все остальное слетело с платы и держалось на ниточках. Петров извлек симку, переставил в старенькую «Нокию» и набрал по памяти номер Вероники. Девушка трубку не взяла.

Парень обхватил голову руками. Что же делать, что предпринять, чтобы не потерять Нику?

Эдик в поиске решения наматывал круги по комнате, ходил туда-сюда, пока за окном не начало смеркаться, но странная привычка оказала воздействие: выход нашелся.

Со следующего дня Петров устроил слезку за ухажером. Не скрывался и не боялся, что Вероника узнает машину или отверженного парня за рулем. Держался на умеренном расстоянии, чтобы не потерять «Форд» в потоке, а иногда садился на хвост и ехал следом.

Неделю он анализировал его карму – пульсирующую, меняющуюся, напоминающую клубок змей. Часто рядом с чужаком была Вероника. В эти мгновения Петров оттаивал, маска суровости спадала с лица, и парень в мечтах обнимал, целовал, холил и лелеял ее. Грезил, что ухажера не существует, есть он, она и счастье, счастье, счастье...

Оставалось ждать подходящего момента, а это Эдик умел. Всю сознательную жизнь он занимался ожиданием той единственной, а когда она появилась, воспарил ангелом на белых бархатных крыльях: Всевышний отблагодарил Петрова за хорошие поступки. Сколько человек он спас?... Кто бы считал... Сотни или тысячи случайных прохожих, перенесенные на другие ветки. А что получал взамен? Одиночество, пустую холостяцкую квартиру, где нет любящего сердца, безрадостное житие, когда твои возможности приносят пользу всем, кроме тебя самого. Эдик не просил золотых гор, не жаждал наживы (хотя играл на тотализаторе, за что корил себя). Он хотел жить без дара, приносящего проблемы.

Все произошло в субботу. Чужак припарковался около торгового центра и направился за цветами. Петров пошел следом, минуя прохожих, и нагнал неприятеля.

- Извините, не подскажете сколько времени?- спросил Эдик.- Батарейка на телефоне села, а часы дома позабыл.

- Подскажу, подождите.

Ухажер распахнул полы пальто и полез в карман за мобильником. Подслеповато прищурился, разбирая цифры на экране.

- Двенадцать семнадцать,- сказал мужчина и удалился.

Нескольких секунд хватило, чтобы он пересел на другую ветку, где его ожидала конечная станция.

Чужак купил букет, вернулся к машине, положил цветы на сиденье и закурил, не торопясь садиться за руль. Посмаковал сигарету, затушил окурок о подошву ботинка и сел на водительское кресло, завелся и выехал на перекресток...

Эдик закрыл глаза и заткнул уши, чтобы не слышать звук удара грузовика о легковушку и не стыдится сотворенного деяния. Когда страх перестал застилать очи, Петров отворил их и ужаснулся. «Форд» превратился в груды металла, а «КАМАЗ» с отказавшими тормозами, водитель которого не пострадал и белел лицом через тонированное стекло, буквально «съел» легковушку.

Вдалеке запищали сирены скорой помощи и полиции.

Эдик пересек дорогу и срезал напрямик – через дворы. У дома он опустил лавку и спрятал лицо в ладони.

Впервые дар был использован для зла...

Вечером я слушал историю Петрова, собирающего вещи для уезда.

- Я подлец,- закончил он.- Мне нет прощения. Будет лучше, если я поселюсь вдалеке от цивилизации. Квартиру продам через знакомого риэлтора, денег хватит надолго.

- А как же Вероника?- спросил я.

- А что Вероника?- вопросом на вопрос ответил друг.- Я не смогу жить с ней и ежедневно обманывать.

Некоторое время мы молчали. Я любовался узорами на окнах, пораженный услышанным, а Эдик глотнул коньяка из бутылки и запил алкоголь колой.

- Ты знал, что наша дружба закончится в январе?- снова спросил я.

- Все рано или поздно заканчивается... Я сам виноват...

- Нет, погоди! Ты видел в моей судьбе, что наши пути разойдутся, ведь так?

- Видел,- ответил он.

Я все понял.

- Сообщи, как устроишься,- сказал я.

Петров кивнул, застегивая чемодан, проводил меня до двери и ожидал, пока я оденусь.

- Скажи напоследок, зачем ты все-таки изменил судьбу чужака-ухажера? Для чего разрушил жизнь двух человек? Ради мести?

Ответа не последовало. Дверь захлопнулась. Я спускался, надеясь услышать крик помощи, но никто не кричал, никто не звал друга.

Открытка без подписи появилась в почтовом ящике в октябре. На ней отсутствовали штампы, печати и марки, но красовалась надпись на английском языке – Таиланд, Хэн Ма Пхо Тхи. Я загрузил на ноутбуке карту и обнаружил данное поселение на клочке суши у Южно-Китайского моря: то ли городок, то ли поселок,- поисковик ничего не говорил о его статусе.

Я представил тайскую глушь и домик из дерева, Эдика с отросшими за полгода волосами и бородой. Счастлив ли он на краю света, мучается угрызениями совести или же вообще ни о ком не думает? Ловит рыбу, загорает, купается и ухаживает за лодкой.

Марк Твен говорил, если дружба закончилась, значит, ее не было.

Существуют поступки, которые никто не трактует. Наверное, и Эд не понимал, что двигало им: жажда отмщения за потерянную девушку или накопившаяся усталость от дара, превратившаяся во зло. Эдик Петров видел мир по-другому.

Я выбрался на балкон, переступая через наваленный хлам, и отворил створку. В помещение хлынул поток холодного воздуха и забрался под футболку. Я поежился, сложил открытку в самолетик и запустил его в свободный полет.

Лети, друг мой, лети!